УДК : 130.2

С. И. Сулимов
(д. филос. н., доцент)
Воронежский государственный университет
(г. Воронеж, Российская Федерация)
E-mail: sta-sulimov@ya.ru

И. В. Черниговских
(к. филос. н., доцент)
Воронежский государственный университет инженерных технологий
(г. Воронеж, Российская Федерация)
E-mail: igrchernigovskix@rambler.ru

МИДИЗМ КАК КУЛЬТУРНЫЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Аннотация. *Данная работа посвящена установлению роли в межкультурных взаимодействиях такого явления как мидизм. Под данным термином понимается некритическое, нередко восторженное восприятие чужой культуры. Опираясь на исторические факты, авторы доказывают, что единственной нормальной для любого общества позицией является патриотизм, а мидизм представляет собой нежелательное отклонение.*

Ключевые слова: *межкультурные взаимодействия, мидизм, патриотизм.*

S. I. Sulimov
(Doctor of Philosophical Sciences, associate-professor)
Voronezh state university
(Voronezh, Russia)
E-mail: sta-sulimov@ya.ru

I.V. Chernigovskikh
(Candidate of Philosophical Sciences, associate-professor)
Voronezh state university of engineering technologies
(Voronezh, Russia)
E-mail: igrchernigovskix@rambler.ru

MIDISM AS CULTURAL AND HISTORICAL PHENOMENON

Annotation. *This work is devoted to establishing the role in intercultural interaction of such a phenomenon as Midism. This term refers to an uncritical, often enthusiastic perception of someone else's culture. Drawing on historical facts, the authors prove that the only normal position for any society is patriotism, and Midism is an undesirable deviation.*

Key words: *intercultural interactions, midism, patriotism.*

С тех пор, как существует цивилизация, общества вступают друг с другом в отношения межкультурного обмена. Такие отношения имеют множество форм: от навязываемой соседям культурной ассимиляции до культурной диффузии, нередко незаметной её участникам. Межкультурные контакты вполне могли существовать и прежде возникновения первых цивилизованных обществ, но в ту далёкую эпоху их никто не фиксировал и не осмысливал, да и, вероятно, дикари вряд ли могли друг другу предложить что-нибудь в процессе культурного обмена.

Представители цивилизованного общества реагировали на знакомство с непонятной им, но развитой культурой всегда чутко, но не всегда одобрительно. Ведь межкультурное взаимодействие подразумевает проникновение чуждого элемента в гармоничный культурный комплекс, и далеко не факт, что этот элемент будет соответствовать общему стилю принимающей стороны. При этом иногда знакомство с чужой культурой сопровождается излишней, неуместной восторженностью. Такое явление знакомо исследователям со времён античности и носит название *мидизм*. В данной работе мы предпримем попытку выявить историческую роль мидизма и установить его соотношение с патриотизмом и космополитизмом.

Впервые термин «мидизм» прозвучал в контексте греко-персидских войн [1, с. 17]. Дело в том, что соседство эллинских полисов с монархией Ахеменидов далеко не исчерпывалось военным противостоянием, и в восточных землях нередко вели дела греческие купцы, а в полисы Эллады часто приезжали персидские дипломаты. Поэтому греки неплохо представляли культурный облик своих азиатских соседей, хотя и трактовали его не всегда верно.

В ту же эпоху обнаружилось, что некоторые греки очарованы восточными обычаями и политическими принципами и совсем не против перенять некоторые из них. К примеру, долгое время служивший в Малой Азии греческий наёмник Ксенофонт, вернувшись в Элладу, написал книгу «Киропедия», в которой восхвалял персидские педагогические принципы. Правда, вскоре выяснилось, что восторгающиеся восточной монархией эллинские государственные деятели вовсе не против того, чтобы содействовать персидскому шаху в его внешней политике или даже шпионить для шахской разведки. В частности, спартанский военачальник Павсаний и афинский флотоводец Фемистокл были уличены в подготовке переворота, который позволил бы им отдать Элладу под власть персидской короны, а самим получить звания губернаторов (сатрапов) [2, с. 289]. С тех пор для античных писателей и читателей слово «мидизм» обрело негативный оттенок: поскольку греки называли персов «мидийцами», то «мидизм» стал означать что-то вроде «персофильства».

В дальнейшей истории цивилизации мидизм вовсе не исчез, хотя уже не имел прямого отношения к межкультурным взаимодействиям Запада и Востока. В случаях, когда цивилизованное общество встречалось со своими варварскими соседями и навязывало им культурный диалог, мидизм приобретал двусторонний характер. Познакомившийся с цивилизацией и её материальным изобилием варвар нередко стремился войти в ряды цивилизованного общества, что, правда, превращало его в культурного ренегата с точки зрения земляков и соплеменников. К примеру, одним из соратников Юлия Цезаря в его Галльской войне был кельтский аристо-

крат Дивициак, после войны занявший привилегированное положение при римской администрации в оккупированной Галлии [3, с. 17].

В свою очередь некоторые цивилизованные эрудиты, обычно далёкие от варварского фронтира, создавали литературный образ «благородного дикаря», никак не соотносящийся с реальными варварами, но выглядящий как яркая антитеза пороков и изъянов цивилизованного общества. Например, в эллинистическую эпоху существовала Александрийская литературно-философская школа, буквально штампующая идиллические произведения о скифах и кельтах, в которых варвары представали носителями подлинной мудрости и совершенного общественного устройства [4, с. 126].

Кто же выигрывал от взаимного мидизма в большей степени – очарованный цивилизацией варвар или цивилизованный утопист? Думается, что большим реалистом и поэтому большим бенефициаром такого межкультурного взаимодействия оказывался варварский прозелит, потому что в случае успеха он примыкал к реальному развитому обществу. Эрудит из большого города, в свою очередь, не получал от «благородного дикаря» ничего, потому что такого «дикаря» не существовало, а варвар-неофит порой не был против того, чтобы воспользоваться наивностью цивилизованных фантазёров.

Если же представить культурное противостояние двух и более цивилизованных обществ, то каждый из участников будет стараться навязать соседям мидизм в свою пользу. Ведь из чужаков-прозелитов в самом простом случае могут получиться надёжные шпионы, а при более утончённой стратегии через добровольных помощников можно лоббировать политические решения, выгодные не их стране, а донору культуры. Именно поэтому для любого развитого общества патриотическая позиция, постоянно транслируемая в педагогике и искусстве, является важным условием собственного выживания.

Зададимся вопросом, к каким результатам может привести мидизм цивилизованного человека, увлечённого чужой культурой и оценивающего её выше, чем собственную? Если предположить, что на ареал одного цивилизованного общества действительно переселятся представители иной цивилизации, то им почти наверняка придётся ассимилироваться. Русская история знает наглядный пример такой ассимиляции, когда в середине XVIII в. в российской императорской армии были отменены привилегии для иностранных офицеров [5, с. 105]. И немецкие авантюристы в одночасье из непогрешимых персон превратились в обычных командиров, служба которых зависела от профессиональных навыков и умения находить понимание с коллегами.

В результате множество таких переселенцев в скором времени осваивало разговорный русский язык, меняло немецкие имена на русские, обзаводились отчествами, и даже инициатор отмены привилегий для иностранцев, фельдмаршал Бурхард Кристоф Миних переименовался в Христофора Антоновича. При этом вряд ли кто-нибудь из обрусевших немецких офицеров восхищался русской культурой или спешил с ней знакомиться; эти люди просто жили среди русских и постепенно привыкали к местному стилю жизни. Кто-то из них переходил в православие, кто-то оставался лютеранином, а в их детях иностранными были лишь фа-

милии. То есть это был не мидизм, а аккуратная, ненавязчивая ассимиляция. Зато русских дворян знакомство с западной культурой по книгам привело к мидизму невиданного размаха. Здесь было всё – от устройства поместий в английском стиле до стремления эмигрировать в Париж. Причём, такие эмигранты никогда не приживались на новой родине и часто оказывались там ещё более чужими, чем в России. По свидетельству отечественного историка В. О. Ключевского, русский дворянин, решивший стать французом или англичанином, воспринимался европейцами как некое азиатское посмешище [5, с. 359].

В результате русский «европеец», который из соображений мидизма подался в эмиграцию, был обречён стать космополитом – везде чужим, вечным странником. Неслучайно русские народники XIX в., по каким-либо причинам перебравшиеся в Европу, не ассимилировались там и продолжали обсуждать российские, а не местные проблемы. К примеру, А. И. Герцен издавал в Англии русскоязычный журнал «Колокол», который вряд ли кто-нибудь из лондонцев мог или хотел читать.

Гораздо трагичнее выглядит попытка адептов мидизма привести свою родину в соответствии с принципами, заимствованными из очаровавшей их чужой культуры. В истории России таким примером могут послужить декабристы. Это были молодые дворяне с блестящим образованием западного типа, прекрасно знакомые с последними новостями Европы и Северной Америки и, возможно, поэтому решившие совершить в России переворот и превратить её в подобие молодой заокеанской республики [7, с. 97]. Возможно, к счастью для страны мятеж 14 декабря 1825 г. не увенчался успехом. Но, может быть, всё дело в исторической случайности? Может быть, очарованные чуждой политической и правовой культурой офицеры-аристократы были в шаге от того, чтобы модернизировать Россию и повести её прогрессивным путём развития? Увы, это не так.

Наглядный пример того, к чему приводят преобразования, затеваемые сторонниками мидизма, продемонстрировала новейшая история постколониальных стран, в частности, Нигерии. К тому моменту, когда Нигерия получила независимость (1960 г.), в ней успела сформироваться прослойка интеллектуалов и предпринимателей, получивших образование в метрополии (в Великобритании) и хорошо знакомых с западными политическими теориями. Предоставляя бывшей колонии независимость, британские чиновники охотно передоверили этим людям все ответственные посты. К чему же это привело? Увы, к полной анархии. Ведь руководствовавшиеся западными правовыми и идеологическими принципами прозелиты пытались принимать меры, никак не гармонирующие с реальным положением дел в Нигерии. Например, один из кандидатов в президенты издавал англоязычную газету, но большинство нигерийцев не умели читать [8, с. 42].

В результате такой «игры в Европу» страну захлестнула политическая неразбериха, открывшая дверь всепроникающей коррупции, трайбализму и племенному сепаратизму. Буквально через несколько лет после обретения Нигерией независимости ею управляли уже вовсе не исповедовавшие мидизм эрудиты, а военная хунта, щедро финансируемая компрадорскими предпринимателями. И тот факт, что военный диктатор имел генеральское звание и одевался в форму британского образца, ничуть не умалял его авторитарности и жестокости. Таким образом, можно констатировать, что мидизм в политике приводит лишь к ненужным, безрезультатным потрясениям.

Какова же роль мидизма в современном межкультурном диалоге? Следует отметить, что в глобальном мире межкультурные взаимодействия не прекращаются ни на миг и носят всеохватывающий характер благодаря всепроникающему интернету и популярному кино. Таким образом, занять позицию мидизма может любой желающий, даже если он вовсе не имеет ни образования, ни широкого кругозора. Но тот эффект, который оказывает мидизм на жизнь обществ, ничуть не изменился со времён античности. Ведь государства по-прежнему имеют собственные интересы и отстаивают их всеми возможными способами. Поэтому поклонник чужой культуры будет восприниматься соотечественниками как неблагонадёжный персонаж, тем более, что в наши дни агентурные возможности разведок значительно расширились по сравнению с древностью.

Если представить такого мидиста в роли должностного лица, то, скорее всего, управляемая им структура потерпит крушение. Ведь невозможно эффективно руководить чем-либо, ориентируясь не на реалии, а на отвлечённые чужеземные принципы. Сторонник мидизма может поступить честно – эмигрировать, но за рубежом незваного прозелита будет ждать разочарование: иностранцы вовсе не обязаны содержать иммигранта, почему-то очарованного их кинематографом. Из неблагонадёжного гражданина своей страны такой поборник чужих идеалов превратится в космополита – вечного скитальца, который нигде и никому по-настоящему не нужен.

В данной работе мы поверхностно рассмотрели историческую роль мидизма в межкультурных взаимодействиях. На различных исторических примерах мы выяснили, что мидизм в любом своём виде бесполезен для исповедующего его общества или социальной группы, а иногда – опасен. Признавая, что в мире, где все общества так или иначе влияют друг на друга, неизбежно будут встречаться культурные ренегаты, остаётся констатировать, что единственной жизнеутверждающей позицией для любого общества является патриотизм. Можно сказать, что для любой культуры патриотизм является нормой. Мидизм же представляет собой не всегда вредное, но всегда бесполезное отклонение.

Список литературы

1. Маринович Л. П. Возникновение и эволюция доктрины превосходства греков над варварами / Л. П. Маринович // Античная цивилизация и варвары. – М. : Наука, 2006. – С. 5-29.
2. Олмстед А. Т. История Персидской империи / А. Т. Олмстед. – М. : Центрполиграф, 2012 – 575 с.
3. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне / Гай Юлия Цезарь. – М. : АСТ, 2007. – 750 с.
4. Широкова Н. С. Идеализация варваров в античной литературной традиции / Н. С. Широкова // Античный полис: межвузовский сборник. – Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1979. – Вып. 5. – С. 124-137.

5. Керсновский А. А. Философия войны. История русской армии / А. А. Керсновский. – М. : Эксмо, 2023. – 704 с.
6. Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций в трёх книгах. – Кн. III. – М. : Мысль, 1997. – 558 с.
7. Сулимов С. И. Эволюция ценностных установок в мировоззрении русской радикальной интеллигенции: монография / С. И. Сулимов, И. В. Востриков. – Воронеж : ВГУИТ, 2012. – 170 с.
8. Глущенко Е. А. Первая республика в Нигерии / Е. А. Глущенко. – М. : Наука, 1983. – 178 с.